

Alexandr Savchenko <https://orcid.org/0000-0002-4337-9925>

Uniwersytet Państwowy Chengchi (Tajwan)

Mikhail Khmelevskiy <https://orcid.org/0000-0002-1980-5453>

Petersburski Uniwersytet Państwowy (Rosja)

«Культура питья» и её отражение в украинском языке: лексике, фразеологии и паремиологии¹

Аннотация

Алкоголь и алкогольные напитки уже давно стали неотъемлемой частью славянской культуры. Названия некоторых традиционных алкогольных напитков часто становятся своеобразным символом определённой нации, основой стереотипных представлений о ней. лексические единицы (отдельные слова и словосочетания, фразеологизмы, пословицы и поговорки), формирующие идеографическую группу «Культура питья», обнаруживаются на всех функционально-стилистических уровнях языка. В статье анализируется «алкогольный портрет» украинцев. Отдельное внимание уделяется концептуальному для украинской культуры понятию *gorilka* (*горилка*, *горелка*). Особо рассматривается номинация алкогольных напитков в украинском языке: разговорной речи, сленге, диалектах, а также во фразеологии.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, лингвокультурология, украинская фразеология, фразеологизмы, пословицы, поговорки, национальные стереотипы

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект "Проведение комплексного социолингвистического исследования роли и функций русского языка в украинском полиязычном пространстве и описание положения русского языка в современной языковой ситуации на Украине" (№ 18-012-00754; шифр ИАС 31.15.69.2018).

На роботу запізнився, за пивбар зачепився.
(украинский городской фольклор)

По козацькому звичаю, п'ють горілку до чаю.
(украинская пословица)

«Культура питания», связанная с употреблением алкогольных напитков, является неотъемлемой частью традиций и культур всех славянских народов, а наименования «горячительных» напитков нередко выступают в качестве ассоциативно-стереотипных национальных символов, а иногда и шире – концептов, нашедших своё отражение в фольклоре, культуре и языке. Так, например, в славянском и европейском стереотипном восприятии водка вызывает ассоциации с русскими и русским культурным пространством, а также польским (в частности, в связи с распространённой в Польше разновидностью данного крепкого напитка, настоящего на траве, произрастающей на востоке страны, – зубровкой). Зубровка объединяет поляков с белорусами, для которых это тоже один из главных национальных напитков. С белорусами также ассоциируется паленка или кармбамбуля (‘настойка на меду и пряностях’). Ракия – крепкий алкогольный напиток из фруктов – «визитная карточка» южных славян. У чехов традиционный национальный крепкий напиток из трав – бехеровка, у словаков – сливовица и боровичка (крепкий алкогольный напиток, настоянный на сливах и ягодах можжевельника, соответственно) или «Татранский чай» – крепкий алкогольный напиток на основе чая, крепостью около 70%, употребляемый в охлажденном виде).

В данной статье мы рассмотрим «алкогольную картину мира» украинцев и её отражение в языке и фольклоре с некоторыми параллелями из русского языка в качестве иллюстративного фона.

«Питейный» портрет украинцев неразрывно связан с горилкой (укр. *горілка*). Данное слово вследствие взаимопроникновения близких культур и общности восточнославянского культурного пространства давно вошло в русский язык наряду с другими гастрономическими реалиями, напр., салом, варениками, борщом. В сознании носителей русской культуры оно стало основой стереотипных ассоциаций с Украиной и украинцами. Горилка прочно вошла в украинский традиционный и городской фольклор – песни, присказки, прибаутки, анекдоты и тосты, что нашло своё отражение в лексике, фразеологии, пословицах и поговорках. Достаточно вспомнить такие хорошо известные каждому украинцу тексты, как: *«Пили горілку, пили наливку, Ще й мед будем пить! А хто з нас, браття, буде сміятися, Того будем бить!»* (из песни, ставшей народной), *«Хто п'є – наливайте, хто не п'є – тому не давайте, хто покаже в чарці дно, тому щастя і добро»* (из популярной народной песни); или вариант: *«Ой хто п'є, тому наливайте, Хто не п'є, тому не давайте, А ми будем пити і бога хвалити і за вас, і за нас, і за ньеньку стареньку, Що навчила нас Горілочку пить помаленьку»* (текст из пьесы М. Храпивецкого «По ревизии»). В связи с этим нельзя не вспомнить и такую хорошо узнаваемую в украинской культуре строку из казацкой песни: *«Гей, наливайте повнії чари, Щоб через вінця лилося, Щоб наша доля нас не цуралась, Щоб краще в світі жилося!»*,

которую можно даже назвать неофициальным гимном Украины, а последние две фразы употребляются в качестве традиционного и расхожего тоста в украинском застолье наряду с классической украинской здравицей «*Будьмо!*».

Анализ языкового (прежде всего пословичного) материала свидетельствует о том, что украинцы, с одной стороны, с уважением относятся к своему национальному напитку, с другой – с иронией, понимая, что этот их концептуальный культурологический образ и национальный символ устойчиво закрепился в сознании иностранцев (в первую очередь – русских), и поэтому он может служить основой для создания юмористического, а порой даже саркастического текста. В качестве иллюстрации приведём, например, слова из песни персонажа современной массовой культуры – Верки Сердючки (сценический псевдоним артиста Андрея Данилко), читающей свои монологи и исполняющей песни на центральноукраинском суржике (а именно, его полтавском варианте), т.е. русско-украинской смеси: «*Я сама недавно в городе была, // Зашла под вечер к другу по делам. // Он налил мне не шампанского вина, // Я подавилась – химия одна. // А горилка – це горилка // А горилка – це горилка.*».

Далее рассмотрим некоторые тематические группы лексико-семантического поля «алкогольные напитки» (в том числе с компонентом *горілка*) в украинском языке и продемонстрируем, как данный концептуальный образ представлен в современном языковом и культурном сознании украинцев.

1. Синонимический ряд названий горилки в украинском языке

Прежде всего отметим, что украинское слово *горілка* далеко не всегда соответствует русской лексеме *водка* (как это обычно указывается во многих словарях русского языка, напр., в словаре Т.Ф. Ефремовой (Efremova 2000)), и слово *водка* даётся как единственный эквивалент украинскому *горілка*, вследствие чего в сознании русских возникает ошибочное представление о том, что «*горілка = водка*»). Данная лексема в украинском языке имеет более широкое значение: это любой крепкий напиток, в том числе и самогон, и различные наливки, настоянные или произведённые с использованием горилки (ср. более точный эквивалент в русском языке – *спиртное*, или белорусском – *гарэлка*, польском – *gorzalka*, чешском *kořalka*, словацком и чешском – *pálenka*, словенском – *žganje*, немецком – *Schnaps* и т.д.).

Как и в других славянских языках, в частности, в русском, помимо основного названия алкогольные напитки часто имеют целый ряд различных по стилистике и принадлежности к определённому лексическому уровню номинаций: просторечных, разговорных, жаргонных, профессиональных и т.д. (ср. например, русские: *горькая, беленькая, бухло, крепкие спиртные напитки*, просторечное *áлкоголь* с ударением на первом слоге и т.п.). Слово *горілка* в украинском языке имеет большое количество синонимов и составляет достаточно большой синонимический ряд. Горилку иногда называют *оковита* от лат. *aqua vitae* – “живая вода”, причём *оковита* считается лучшим сортом горилки (правда, сейчас это, скорее, историзм или «коммерческий трюк»: обыгрывание в названии напитка омонимии *оковита* и *око*).

Академический толковый словарь украинского языка определяет слово *оковита* как “крепкая горилка самого высокого качества” (SUM 1974: Т. 5). Приведём еще такие синонимы к слову *горілка*, как, например, *житня*, *смага* (прямое значение – “жажда”), *самогонка*, *бімбер* (западноукраинский диал., ср. пол. *bimber* – букв. “самогон”), *палінка* (закарпатские диалекты, ср. чеш., словац. *pálenka*), *трунок* (напиток, преимущественно алкогольный).

Целый ряд синонимов к лексеме *горілка* приводят различные синонимические словари украинского языка (Karavanskij 2014). В своей мотивировке названия отражают способ приготовления крепкого алкогольного напитка, например: *мокруха* (на замоченных ягодах и травах), *калінівка* (на калине), *полинівка* / *полинна* (на полыни), *горобинівка* / *горобинова* (на рябине, от укр. *горобина* – “рябина”), *калганівка* / *калганова* / *калганна* / разг. *калганка* (на калгане), *перцівка* / *перчаківка* / *перчикова* (на перце), *тютюноква* (на листьях табака, от укр. *тютюн* – “табак”), *лимонівка* / *цитринівка* (на лимоне), *зубрівка* (на траве зубровке), *слив'янка* / карпатские диалекты: *сливовиця* / *сливник* (из слив), *буряківка*, *бурячиха* (из свёклы, от укр. *буряк* – “свёкла”).

В украинском языке мы встречаем также и целый ряд синонимов с образным, метафорическим обозначением *горилки*. Этот ряд можно разделить на подгруппы по типу метафорического переноса значения:

- а) физические свойства: разг. *гірка*, разг. *запридух* (об очень крепкой горилке), *со-рокоградусна*, *оковита* / *оковитка* (устар. высокого качества), *сивуха* и др.;
- б) способ приготовления и рецептура: *варенуха* / *варена* (сваренная с мёдом и сушёная с фруктами и ягодами), устар. *пінна* (хлебная горилка, ср. пример: *Еней з дороги налигався і пінної так нахлистався, Трохи виперсь з його дух* (Kotlarevskij 1952), *первак* (выдержанная в начале самогонения), *самогон* / разг. *самогонка*, диал. *паленка* / *палінка* (горилка, приготовленная из различных фруктов с помощью процесса «випалювання», то есть перегонки), *запіванка* (запеченная в печи), *запіванка* / *запівана* (горилка, заправленная пряностями и выдержанная в горячей печи) и др.
- в) метафорично-оценочные номинации: *спотикач* / разг. *спотикайло* (горилка, настоянная на орехах и пряностях (с метафорично-оценочной мотивировкой от глагола *спотикатися*), разг. *димка* (обычно о горилке кустарного производства), *зілля*, разг. *пальне*, шутол. *веселуха*, *ледащица* (эвфемизм в значении “лодырь” общего рода, ругательное), *живиця* (прямое значение “смола, выделяемая хвойным деревом”) – ср. пример из Т. Шевченко: [Речь Кобзаря]: *Аби була ласка слухати, поки не охрип, співатиму; а охрипну — чарочку, другу тій ледащиці-живиці, як то кажуть, та й знову* (Shevchenko 1990: 105) и др.;
- г) различные перифрастические наименования, например: шутол. *скляний бог*, *грішна вода*, а также интернационализмы – *адамові сльози* / *слізки*, *зелений змії* и мн. др.

В номинациях *горилки*, как и вообще любых других спиртных напитков, в украинском языке встречается большое количество жаргонизмов, которые стали активно возникать в основном под влиянием русской массовой культуры, начиная с 90-ых

годов XX в. (жёлтая пресса, так называемый «русский шансон», кино низкого качества и т.п., оставившие значительный след в разговорном языке как русскоязычных, так и украиноязычных жителей Украины). В качестве примеров приведем такие жаргонизмы, бытующие в украинском просторечии и суржике, как *бух*, *бухало*, *бухло*, *випивон*, *дрінк*, *кайф*, *пійло*, а также *бормотуха*, *паливо*, *шмурдяк* (обычно низкого качества) и т.п. (Stavicka 2003).

Отдельно следует кратко остановиться на лексеме *сивуха*, существующей как в украинском, так и русском языках в значении “недостаточно очищенный самогон, горилка” (напомним, что слово *горилка* в украинском языке употребляется по отношению к любому крепкому алкогольному напитку), а также на её восприятии двумя близкородственными народами с точки зрения прозрачности мотивировки. Так, в русском языке прилагательное *сивий* имеет значения “серовато-сизый”, причём «Словарь русского языка» распределяет значения в следующем порядке: 1) о масти животных, обычно лошадей, 2) седой, с проседью (Ozhegov 1999), тогда как мотивировка украинской лексемы *сивуха* весьма прозрачна ввиду того, что прилагательное *сивий* является довольно частотным и выступает в значениях: 1) “утративший свою окраску, ставший белым, серебристым (например, о волосах)”; “седой”, 2) “имеющий серовато-белый, тёмно-серый окрас шерсти или перьев (о животных)”, а также “серый с синеватым оттенком”: *Сиві очі*, 3) “серовато-белый, беловатый”: *Блакитні гори хмар прикрилися ніби сивим туманом диму*; также “бесцветный, однотонный, невыразительный” или даже “облачный, хмурый”: *Сиві дні*, 4) употребляется в переносном значении «очень старый»: *історія сива, ще до нашої ери* (FSUM 1978: Т. 9). Примечательно и показательно и то, что третью главу рассказа «Сорочинская ярмарка» Гоголь предваряет эпиграфом из «Энеиды» И.П. Котляревского: «*Чи бачиш, він, який парнище? На світі трохи єсть таких. Сивуху так, мов брагу, хлище!*») (Gogol 1996: 6).

В заключение данного раздела отметим, что слово *горилка* вошло в русский лексикон, закрепилось в его составе, стало узнаваемым и употребительным во многом благодаря Н.В. Гоголю, причём в форме *горелка* (достаточно вспомнить хотя бы персонажей его «Вечеров на хуторе близ Диканьки»). Слово *горелка* неоднократно встречается и в его цикле «Миргород». Для иллюстрации приведём такие фрагменты: «*Ступай, да ставь нам на стол все, что есть. Не нужно пампушек, медовиков, маковников и других пундиков; тащи нам всего барана... Да горелки побольше, не с выдумками горелки, не с изюмом и всякими вытребеньками, а чистой и пенной горелки, чтобы играла и шипела, как бешеная*» («Тарас Бульба») или: «*Ритор Тиберий Горобець еще не имел права носить усов, пить горелки и курить люльки. Он носил только оселедец*» («Вий»).

2. Глаголы с общим значением “употреблять крепкие алкогольные напитки”

Здесь следует сделать оговорку относительно словоформ нижеприведённых глаголов. Частично они имеют украинское инфинитивное окончание *-ти*, частично *-ть*. Последнее явление (*-ть*) попадает в сферу либо украинских диалектов, либо украинского просторечия, сформированного по большей части под влиянием русского языка, а точнее – в результате многовековой языковой конвергенции двух близкородственных языков, или же являются одним из признаков так называемого *суржика* – языкового явления Центральной и Юго-Восточной Украины, который представляет собой смесь русского и украинского языков, зачастую выступая в функции просторечия, жаргона, молодёжного сленга или в качестве языка мещанских слоёв, для которого как раз и характерна рассматриваемая ниже экспрессивно-эмоциональная лексика.

В украинском языке существует большое количество глаголов с общим значением “употреблять спиртные напитки”, имеющих широкий спектр стилистических оттенков и оттенков значений. Коротко представим некоторые из них, распределив на группы по их лингвистической природе.

а) Звукоподражательные:

Бухнути (от *бухати* – “издавать глухие, отрывистые звуки”, а также “стрелять, бросать с силой”, производное от междометия *бух*), *бздикнуть*, *чебурдикнуть*, *хлобистнуть*, *тараракнуть*, *чпокнуть*, *шибанути* (от *шибати* – “ударять по чему-л., ударять”), *хряпнуть*, *дерябнуть*, *сьорбнути* (от *сьорбати* – “есть жидкую пищу, набирая ложкой, издавая при этом характерные звуки”), *грюкнути* (от *грюкати* – “создавать сильный шум при ударе, грохотать, с силой ударять, стучать”) и др.

б) Экспрессивные переносные, метафорические значения

Вмазати, *спивати*, *клюкнути*, *кружжати* / *кружляти*, *хилити* / *хиляти* (прямое значение “наклонять”), *черкати* (от прямого значения “скрести, тереть”), *лигати* (от прямого значения “есть, пить со вкусом, жаждой”), *глушити*, *тягати* / *тягнути*, *жлуктити* / *жлуктати* (от прямого значения “жадно и много пить”), *вдарити*, *махнути*, *піддати*, *прийняти*, *засадити*, *газанути*, *пропустити*, *покуштувати*, *смикнути* (FSUM) (от *смикати* – многозначный глагол, на формирование переносного экспрессивного значения “выпить алкоголь” повлияло его основное значение “делать резкое движение какой-л. частью тела”, а также переносное, вульгарное “пить спиртное” (ср. и глагол совершенного вида *смикнути* – разг. “быстро пить”): *Ти чого шиєю смикаєш? Зроду в тебе так чи, може, від якої хвороби?* (SUM 1979: Т. 9) – “тянуть, толкать резкими и порывистыми движениями”, сравним пример из литературы, где данный глагол, помимо основного значения, также вызывает и метафорическую ассоциацию с состоянием алкогольного опьянения человека: *Потяг мчав. Вагони смикало, вони хитались, мов п'яні* (SUM 1979: Т. 9), а также значение “втягивать в себя, вырывать что-л. и поглащать”: *Коло ясел стояла ряба корова й смикала з драбини свіжу траву* (SUM 1979: Т. 9), *погрітися*, *вхопнути* (от *ухопити* – “быстро, резко взять, схватить что-л.”), *уконтранупити* (украинское

жаргонное слово, возникшее, вероятнее всего, под влиянием русского жаргона, где по своему происхождению имело значение “прекратить чью-л. деятельность, уничтожить кого-л., что-л.”, т.е. в метафоризированном значении рассматриваемого лексико-семантического поля – “выпить полностью, до дна”).

В особую группу выделим глаголы, за счёт внутренней формы которых достигается их яркая экспрессивная стилистическая окраска: *вмандариніть, квакнути, вландиріть, вшендяїть, закерогазіть, запуїрїть, розмагнітїтися, чебурахнутїся, застаканїть, здригнутїся* и т.п. (Kondratiuk 2006).

Целый ряд глаголов формирует подгруппу экспрессивных глаголов с общим значением “напиться”: *нахреначїтися* и *уко̀нтрапуїтїся* (оба глагола – пример типичных русизмов в суржике, украинском жаргоне и молодёжном сленге), *на-свінячітїся, нахрюкати́ся* (от устойчивого сравнения *п'яний як свиня*), а также контекстуально метафоризированные: *надегустїривати́ся, нажертїся, ужратїся* и т.п. (Kondratiuk 2006).

в) Жаргонизмы из узкой социально-ограниченной сферы употребления или авторские:

возникшие под влиянием российской масскультуры: *алкати, банячити, бодяжити, киряти*; исключительно украинские или авторские, но зафиксированные «Словарём жаргонной лексики»: *голитися* (букв. “бриться”), *заливати сливу / сливити, жлуктати* (“много выпивать”), *ковбасити, лигати, цмулїти* (основное значение – “пить с наслаждением, смаковать”) и т.п. (Stavicka 2003; Kondratiuk 2006].

г) жаргонно-разговорные глаголы-англицизмы (т.е. возникшие на базе английских слов): *дрїнкануть* (ср. англ. *drink*), *отхеннібездіть* (ср. англ. *Happy birthday!*) и т.п. (Kondratiuk 2006).

Потенциально «открытый», т.е. постоянно пополняющийся за счёт разговорного (resp. жаргонного) языкового пласта ряд глаголов с общим значением “употреблять алкогольные напитки” свидетельствует о степени актуальности этой семантической группы, «языковой востребованности» такой экспрессивно-эмоциональной лексики и потребности языкового отражения данной культурологической реалии в зависимости от различных коммуникативно-прагматических ситуаций: степени экспрессии, «коммуникативного фона» (официальное – неофициальное общение) и многих других экстралингвистических факторов – социального, гендерного и т.п. Это весьма подвижная с точки зрения дихотомии «устаревшее – новое» лексико-семантическая группа.

3. Украинские фразеологические единицы (ФЕ) с компонентом *горілка*

Являясь неотъемлемой традиционной чертой культуры нации на протяжении многих веков, «культура питья» не могла не найти богатого отражения во фразеологии и паремиологии славянских языков, в том числе и украинского. Во «Фразеологическом словаре украинского языка» находим, например, следующие ФЕ с компонентом

горілка: не виходити з горілки – “постоянно находиться в алкогольном опьянении”, *припадати до горілки* – “проявлять пристрастие к алкогольным напиткам, пьянствовать”, *затоплювати / затопити лихо* (*розум, горе, біду* и т.д.) *в чарці* (в *горілці*) – “утолять, приглушать тяжёлые чувства, мысли, притуплять сознание, чрезмерно употребляя алкогольные напитки”, со схожим значением: *заливати лихо горілкою* – ср. русск. *залить горе водкой; ударитися в горілку / до горілки* – “начать пьянствовать, запить”, *в горілці киснути* – “пьянствовать”; *заливати / залити очі* (вульг. *сліпи*) (*горілкою*) – 1) “сильно напиваться”; 2) «спивать кого-л.», *заливати голову горілкою* – “напиваться, становиться пьяным”, *полоскатися в горілці (у вині)* – “злоупотреблять спиртным”, а также *в горілці розум втопити* – “спиться” (FSUM 1993).

В словарях фиксируется большое количество ФЕ, различающихся по экспрессивной окраске и отнесённости к определённом стилическому слою лексики: *зіграти сурмача* (сурма – старинный украинский духовой инструмент, изготовленный из дерева, прямой продолговатой формы (напоминающий трубу), который у украинских казаков использовался как сигнальный инструмент: *Козацьки сурми грали до бою*, а также современный духовой сигнальный инструмент в виде медной трубки, согнутой кольцом: *Чуєш: сурми заграли! Час розплати настав* (SUM 1978: Т. 9). Соответственно – сурмач – “человек, подающий сигнал” или “музыкант, играющий на сурме, трубач, горнист”. В словарях украинского жаргона уточняется дефиниция данной ФЕ, а именно – “выпить из горла”; в русском разговорном дискурсе существует аналогичная ироничная номинация – *горнист* – по аналогии с пионерским духовым инструментом – горном (здесь отметим, что украинский образ восходит к народной музыкальной казацкой традиции, тогда как русский образ сравнительно новый и возник под влиянием советской идеологии XX в.). Также встречаются такие фиксации ФЕ в украинской разговорной речи, как, например: *з їздити до Бухари* (от жаргонного глагола *забухарити* – “запить, уйти в запой”, ироничное производное от звукоподражательного *бухати / бухнути* с тем же значением и ироническим обыгрыванием названия города в Узбекистане для усиления экспрессивной окраски), *вмочить роги, подивитися на денце* (“доньшко”), *кинути під зябра* (букв. “под жабры”), *закласти за комір* (ср. русский аналог: *заложить за воротник*), *залити очі, вгамувати спрагу* (ср. русский аналог: *утолить жажду*), *промочити труби, розчавити чарочку* (здесь компонентом ФЕ выступает экспрессивный глагол *розчавити / розчавлювати* – “крепко сжимая или сдавливая, мять, давить”, ср. русский аналог: *раздавить рюмочку*), *прийняти на душу*, а также иронично-разговорное *поїсти горілочки*. Отдельно выделим подгруппу с компонентами-соматизмами: *змочити / помочити горло, вдарити по печінці, здивувати шлунок* (букв. “порадовать желудок”), *залити зенки* и др. (Yurchenko, Ivchenko 1993).

4. Устойчивые сравнения (УС)

Рассмотрим и некоторые украинские устойчивые сочетания в значении “пьяный как” на фоне русского языка. Тут также обнаруживается богатство единиц, восходя-

щих либо к народному творчеству: *п'яний як земля / як дим / як ніч*, либо имеющих общие восточнославянские корни: *п'яний як швець / як свиня*, а также достаточно большое количество индивидуально-авторских УС, созданных по устоявшимся семантическим моделям, например *п'яний як цар Миколай*. Наиболее частотны такие УС, как *п'яний як чіп* (где *чіп* – «пробка», причём экспрессивность в характеристике подобного состояния усиливается и уточняется за счёт существующего в литературном языке УС *дурний як чіп*, ср. русск. *глупый как пробка*).

Приведём лишь некоторые УС с общим значением “пьяный”: *такий як ясочка* (ср. рус.: *такой хорошенький/красивенький* в аналогичном переносном ироничном употреблении), *п'яний як чіп / як чопок* (“пробка”), *як швець* (“портной”), *як земля* (ср. серб. *rijan kao zemlja*), *п'яний як квач* („намотанная на конец палки тряпка, кусок старой тряпки“), *п'яний як свиня*, *як [темна] ніч [на Різдо]*, *гарний як сойка*, а также УС, выступающие в качестве интенсификатора: *п'яний як башмак / як черевик, віхоть* (“охапка соломы, сена”), *вуж* (“уж”), *галоша, ганделик* (“шинок, кабак”), *грязь, [гречаний] сніп, двері, деко* (диал. “лист”), *дзюзя, дим [з сусідського комина]*; *дрова, хоч у пічку підкидай* (Romanova, Fedorova 2015: 393); а также – *п'яний як дурень / дурний, зюзька, зюзя, комаха в бочці* (букв. “насекомое в бочке”), *мочалка, небесна брама* (букв. “небесные врата”), *сапожник, як сім дружок разом* (букв. “как семь подруг на свадьбе со стороны невесты”, где исконное *дружка* – “девушка, принимающая участие на свадьбе по приглашению невесты, подруга невесты”), *слуп* (“столб”), *смик* (от ранее рассмотренного глагола *смикати / смикнути*), *як [старий] чобіт, стелька* (русизм в украинском просторечии, ср. русск. *пьяный в стельку*), *телесик* (“деревянная колодка”), *три дороги, хмара, ципка, ціп* (“ручное приспособление для молотьбы с длинной ручкой и прикреплённым к ней ремнем или верёвкой коротким деревянным бичом”), *цьма* (“ночная бабочка”), *чмир* (“острый, неприятный запах”), *чорт* (где компонент *чорт* выступает в качестве интенсификатора), *синій як ізолента* и др. (Dobroljozha 2003; Nomis 1993; Yurchenko, Ivchenko 1993; Pyrkalo 1999 и др. – см. список использованной литературы).

В украинском просторечии и жаргоне мы находим такие примеры употребления УС, как *п'яний в драбадан / в сосиску / у хлам*, которые пришли под влиянием российской массовой культуры начала 90-ых годов, а также жаргонное – *у сраку, в дупу* (последнее регионально ограничено – Западная Украина). Словарь жаргонной лексики украинского языка также отмечает такие употребления, которые явно возникли в результате усечения УС и, скорее, являются более авторскими, чем общепотребительными, например: *в пополам, готовальня, пиломатеріали, повний повалій, реанімація, російська нерухомість* (букв. “русская недвижимость”) и под. (Stavicka 2003).

5. Пословицы и поговорки с компонентом *горілка*

Богат также и украинский пословичный материал, где компонент *горілка*. Так, например, в словаре Б. Гринченко на слово *горілка* находим такие пословицы, как

Як горілку п'ють, то мене минають, а як ся б'ють, то від мене починають; Без горілки нема говірки (Grinchenko 1958: 311–312). Украинские паремии, отражающие ассоциативную образность данного слова в украинской культуре и мировоззрении, представлены в сборнике М. Номиса, например: *Що буде, то буде, а горілки пить не покину; И горілки не хочу, и лица (віжки) не дам; Дурень нічим ся не журисть: горілку п'є и люльку куристь; Горілка не дівка, а мачуха не мати; Як у болоті не без дідька, так у селі не без горілки (дідько в украинской мифологии – это своеобразный аналог русского мифологического лешего, чёрта, беса, которое в современном языке также употребляется в качестве ругательства по отношению к человеку); Ой Грицю, Грицю, Грицю, не вдавайся у дурницю, бо дурниця тебе зрадить, що горілка не порадить* (припевают во время танца); *Горілка не дівка – не треба їй цілувати – з ума зведе й сама пропаде; Горілка не дівка, здоров'ю злодійка; Горілка, як та дівка – хоч кого підведе; Тут горілка кап, а там хап (з кишені); Нема й шаноби, як нема горілки; Поставивши тарілки, по чарці горілки. Поставивши ложки, напіймося трошки; По нашому українському звичаю треба пить горілку до чаю; Гарна горілка, коли не з шинка; Коли ж горілка проїде з милю, – не буде вже в неї першого хмілью; Горілку пий та жінку бий – нічого не бійся; Щоб було на горілку и на тарілку; Мені не багацько треба: соли дубок, хліба шматок, та горілки чарка; Хрін та редька живіт упушили – мед та горілка все те потушили; Горілка така вода, що з убогого зробить багатим, з сліпого видющим, а з слабого сильним; Хоч и кажуть, що горілка серце веселить – чого ж від неї ледачої голова дуже болить?; И вже, не стоїть и на світі жити, коли й горілка вже замерзає* и т.п. (Nomis 1993; Romanova, Fedorova 2015).

Для украинского культурологического дискурса весьма показательна следующая паремия: *Сало без горілки, що свиня без риля*, иллюстрирующая две главные украинские «кулинарные» стереотипные реалии: сало и горилку, с которыми ассоциируется украинское застолье и которые формируют общую картину любого застолья: тематическая пара «алкогольный напиток – закуска» (ср. рус. «водка и солёный огурец»).

Пословицы и поговорки, относящиеся к идеографической группе «распитие алкогольных напитков», также в большом количестве обнаруживаются в украинском языке. Приведём в качестве иллюстрации лишь несколько: *Вибирай жінку не в п'яниці, а в ланці; Було ремесло, та хмелем заросло!; Баба сім літ похмелялась та з похмілья і вмерла; Збувся тато клопоту: жито змолотив і гроші пропив; Козак, коли не п'є, то ворогів б'є, а все не гуляє; П'яному й кози золоті; П'яниця – проспиться, а дурень – ніколи; Сонний як п'яний, а п'яний як дурний; У п'яниці коли не під очима синє, так плечі в глині; У п'яного кулаки дрова рубають, а як прокинеться, то й сокира не візьме; Як ковбаса та чарка, то минеться й сварка* (последняя паремия использована в названии одноимённой пьесы М.П. Старицкого) (Romanova, Fedorova 2015). Нередко можно встретить шутивно-ироничные паремии, например, *Горілочка, як дівочка: попробуєш, то ще схочеш*. Примечательно, что под влиянием русской массовой культуры и современного российского городского фольклора в украинском языке также возникает и жанр «антипословиц», например: *Не вмієш пить, не мучай горло* (суржик, Верка Сердючка).

Таким образом, поводя итоги, необходимо отметить следующее:

1. Лексема *gorilka* в современном украинском языке и языковом сознании стала основой концептуального понятия (гесп. концепта) «крепкие алкогольные напитки», который нашёл отражение в языке. Данный концепт входит в более широкое понятие – «культура питья». В украинском языке (в том числе и суржике) он отражается, с одной стороны, на лексическом, фразеологическом уровнях (отдельные лексемы, устойчивые сравнения, фразеологизмы и поговорки), функционируя при этом в различных стилистических пластах (фольклор, литературная речь, разговорная лексика, сленг и жаргон), а с другой – на понятийно-стереотипном, что в совокупности формирует лексико-семантическую (гесп. идеографическую) группу «алкоголь» в самом широком её понимании (включая различные номинации алкогольных напитков, процессы – глаголы с общим значением «пить, выпивать»);
2. Рассматриваемая лексико-семантическая группа, номинирующая алкогольные напитки – «горилка» («спиртное»), состоит из достаточно большого количества лексем, которые отражают различные характеристики: физические качества (вкусовые, цветовые и прочие качества напитка) и особенности производства, способы приготовления или исходный продукт, а также характеризуется различными метафорическими и экспрессивными наименованиями с позитивными и негативными коннотациями.
3. Идеографическая группа «алкоголь; культура питья» представлена значительным количеством устойчивых сравнений, фразеологических единиц и поговорок, выражающих различные номинации данной понятийной сферы, а также семантические и стилистические оттенки значений.
4. Став национальным стереотипом и формируя собой концептуальное понятие, лексема «горилка» постоянно обретает новые коннотации и контексты употребления, а рассматриваемая тематическая (идеографическая) группа постоянно пополняется за счёт неологизмов, в том числе фразеологизированных сочетаний (включая так называемые антипоговорки). Это явление, в первую очередь, проявляется в живой разговорной речи и отражается на страницах современной украинской литературы (произведения Ю. Андруховича, С. Жадана, Л. Дашвар (И. Черновой) и др.), однако указанное явление пока не в полной мере фиксируется словарями современного украинского языка.

Итак, в настоящей статье мы рассмотрели лишь часть материала, связанного с «культурой питья» в украинском языке. Представленный материал свидетельствует о богатстве и разнообразии, а следовательно – о степени актуальности данного пласта лексики и фразеологии в украинском языке. Следующим шагом должно стать более глубокое сопоставление в этом аспекте украинского языка с русским (на фоне других славянских, в частности – польского) и выявление типологических сходств и, что самое важное, – различий между этими языками. Особого внимания в исследовании номинационных процессов внутри лексико-семантической и идеографической группы «алкоголь, культура питья» заслуживает суржик и вопрос влияния русского языка на этот вариант разговорного украинского языка.

Литература

- Boguslavskij V.V. (2004), *Slavianskaja enciklopedija: XVII vek v 2-tomakh*, T. 2, Moscow.
- Dobroljozha G. (2003), *Krasne slovo – jak zoloyj kliuch: Postijni narodni porivnannia v go-virkakh Seredniogo Polissia na sumizhnykh teritorij*, Zhytomir: Volyn.
- Efremova T.F. (2000), *Novyj slovar russkogo jazyka. Tolkovo-slovoobrazovatelnyj*, Moscow.
- FSUM: *Frazeolohichnyj slovnyk ukrainskoj movy* (1993), Kyiv.
- Gogol N.V. (1996), *Sorochinskaja jarmorka*, Kaliningrad.
- Grinchenko B.D. (1958–1959), *Slovar ukrainskoj movy*, T. 1–4, Kyiv.
- Karavanskij S. (2014), *Praktychnyj slovnyk sinonimiv ukrainskoj movy*, Lviv.
- Kondratiuk T. (2006), *Slovnyk suchasnogo ukrainskogo slengu*, Kharkiv.
- Kotlarevskij I.P. (1952), *Povne zibrannia tvoriv v 2-kh tomakh*, T. I, Kyiv.
- Nomis (1993), *Ukrainski prykazky, pryslivja i take inshe*, Kyiv.
- Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. (1999), *Tolkovyj slovar russkogo jazyka*, Moskva.
- Poljuga L.M. (2006), *Slovnyk sinonimiv ukrainskoj movy*, Kyiv.
- Pyrkalo S. (1999), *Molodizhnyj sleng siogodni*, Kyiv.
- Romanova T.N., Fedorova N.A. (2015), *Lingvokulturologicheskie osobennosti russkikh i ukrainskikh paremii s komponentami-nazvanijami napiotkov* // “Science XXI century: Proceedings of materials the international scientific conference”, Karlovy Vary – Moskva, c. 390–400.
- Shevchenko T.G. (1990), *Kobzar*, Kyiv.
- Stavicka L.O. (2003), *Korotkyj slovnyk zhargonnoi leksyky ukrainskoj movy – A Short Dictionary of Ukrainian Slang*, Kyiv.
- SUM: *Slovnyk ukrainskoj movy: v 11 tt.* (1970–1980), I.K. Bilodida (red.), Kyiv.
- Uzhchenko V.D., Uzhchenko D.V. (1998), *Frazeolohichnyj slovnyk ukrainskoj movy*, Kyiv.
- VSUM: *Vsesvitnyj slovnyk ukrainskoj movy. Slovnyk sinonimiv*. URL: <https://uk.worldwide-dictionary.org> [dostep: 25.06.2018].
- Yurchenko O.S., Ivchenko A.O. (1993), *Slovnyk stijkykh narodnykh porivnian*, Kharkiv.

Abstract

The “culture of drinking” and its reflection in the Ukrainian language: lexicon, phraseology and paremiology

Alcohol and alcoholic beverages became an essential part of Slavonic culture a long time ago. The names of some traditional drinks often become a stereotypical national symbol of a certain country. Lexicological units (single words and expressions, idioms, proverbs and sayings) which constitute the ideographic group “The culture of drinking” can be found at every functional and stylistic level of the language. This article provides an overview of the “alcoholic portrait” of the Ukrainians. Particular attention is paid to the concept of *ropilka* (*horilka*). A special place is given to the descriptions of alcoholic drinks in Ukrainian – in colloquial speech, slang, dialects as well as in phraseology.

Keywords: intercultural communication, cultural linguistics, Ukrainian phraseology, idioms, proverbs, national stereotypes

Streszczenie

„Kultura picia” i jej odzwierciedlenie w języku ukraińskim: w leksyce, frazeologii i paremiologii

Alkohol i napoje alkoholowe od dawna stały się nieodłączną częścią kultury słowiańskiej. Nazwy niektórych tradycyjnych napoi alkoholowych często stają się swoistym symbolem określonego narodu, podstawą stereotypowych wyobrażeń o nim. Jednostki leksykalne (poszczególne wyrazy i połączenia wyrazowe, frazeologizmy, przysłowia i porzekadła) tworzące kategorię pojęciową „kultura picia” występują na wszystkich funkcjonalno-stylistycznych poziomach języka.

W artykule analizowany jest „portret alkoholowy” Ukraińców. Szczególną uwagę poświęcono konceptualnemu dla kultury ukraińskiej pojęciu горілка (горилка, горелка). Oddzielnie rozpatrywana jest nominacja napojów alkoholowych w języku ukraińskim: w języku potocznym, slangu, dialektach oraz we frazeologii.

Słowa kluczowe: komunikacja międzykulturowa, lingwokulturologia, frazeologia ukraińska, frazeologizmy, przysłowia, porzekadła, stereotypy narodowe